

F FOLIO Продано больше 100 тысяч книг!

ЛАДА ЛУЗИНА

Киевские ведьмы
Рецепт Мастера
Снасти Императора!

Книга 1

Лада Лузина
Рецепт Мастера. Спасти
Императора! Книга 1
Серия «Киевские ведьмы», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4400425

Лада Лузина. Рецепт Мастера. Спасти Императора! Книга 1: Фолио;

Харьков; 2012

ISBN 978-966-03-5748-8, 978-966-03-5720-4

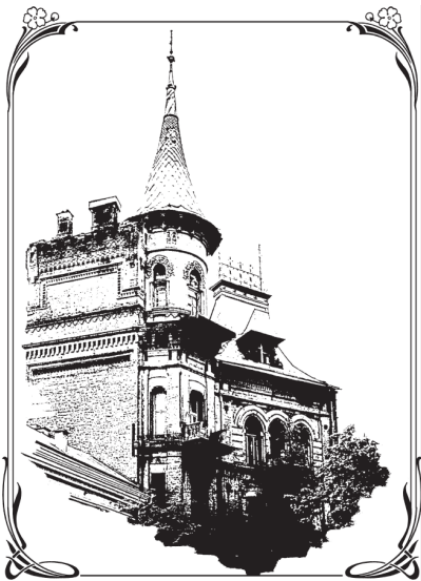
Аннотация

Теперь читатели узнают, как сложилась судьба трех героинь в роковом 1917 году, и каким удивительным образом их судьбы переплелись с историей царской семьи.

Содержание

Глава первая,	6
Глава вторая,	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лада Лузина
Рецепт Мастера
Спасти Императора!
Книга 1

Башня Киевиц на Ярославовом Валу, 1

Три молодые женщины-киевлянки неожиданно приняли от умирающей ведьмы Кылыны ее дар. Как же они сумеют распорядиться им? Ведь они такие разные: студентка исторического факультета Маша Ковалева, железная бизнес-леди Катерина Дображанская и уволенная из ночного клуба безбашенная певица – Даша Чуб, по прозвищу Земле потрясная.

По воле или против нее, им пришлось стать Киевицами – хранительницами Города Киева – и... навеки поселиться в прошлом веке.¹

Моему Городу посвящается

---

¹ Начало истории – читайте в романе «Киевские Ведьмы. Выстрел в опере».

Глава первая, в которой появляется враг

13 декабря по старому стилю в доме № 13 на улице Мало-подвальной собралась пренеобычайнейшая компания. И кабы прапорщица Купкина, проживающая в доме напротив, заняла свой излюбленный пост у окна, почтенной вдове наверняка хватило бы тем для пересудов и сплетен до самой Пасхи.

Но, на свою беду, в тот день Ангелина Федотовна ждала дорогого гостя – своего дальнего родственника крестьянина Пузикова. И не увидела, как в первом часу к подъезду подрулил невероятный экипаж – натуральные самоходные аэросани с винтом.

Внук Ангелины Федотовны, тринадцатилетний гимназист Саня, стоявший как раз у окна, в изумлении открыл рот...

За рулем единственных в Киеве безлошадных саней сидела первая поэтесса Империи – Изида Киевская!

Саня знал, что все гимназистки (и курсистки, и княгини, и кухарки, и актрисы, и горничные, и особенно проститутки!) почитают ее, как живую Богиню. Стихи Изиды Сане читала на катке фиалковоглазая Оленька Спичкина, в которую он был влюблен на прошлом Рождестве. В особенности Оленьке нравилось одно: «И на правую руку надела я перчатку с левой руки». Она и сама пыталась писать стихи: «И на пра-

вую ногу свою я левую туфлю надела» – и тому подобную чушь. Потому очень скоро Сане разонравилась. А вот Изида по-прежнему будоражила его воображение, ибо, помимо малоинтересных Сане стихов, была известна многим и многим...

Говорили, что когда-то поэтесса начинала свой путь, танцуя на сцене кабаре «Лиловая мышь» в умопомрачительно коротких кальсонах!

Говорили, что Изида была первой дамой в Империи, отринувшей не только корсеты, но и сами дамские юбки! В юбке Изиду и впрямь не видел никто. Говорили, что даже в дом к строгой графине П-шской поэтесса пришла в своих любимых шальварах и заявила на аудиенцию к генерал-губернатору в мужском фраке.

Но не это сделало Изиду предметом Саниного восторга. В юбке женщина, в штанах или без – она останется женщиной. «Волос долог, ум короток. И пусть даже баба сострижет коосу, ума ей все одно не отрастить» – говаривал Митин дядька. Но если все дамы, от длинноколых институток до стриженных поборниц женских прав, обожали Изиду за дамские стишки и презрение к навязанным даме условностям, мужчины читли ее за поступки совсем иного рода.

Шесть лет назад Изида стала первой в Киеве женщиной, которая начала водить авто самолично. Пять лет назад Изида участвовала (и победила!) в автомобильном пробеге «Киев-Москва». Пять лет подряд Изида брала первый приз в со-

ревнованиях по стрельбе. Изида ездила по Киеву на мотоциклетке, аэросанях и моторах «Руссо-Балта». Изида была почетным членом Киевского Кружка «Спорт». Изида водила дружбу с известными летунами и авиаконструкторами. Изида поднималась в воздух на аэроплане и ставила на нем мировые рекорды...

А три года назад – в 1913 году – стала первой в мире дамой-авиатором, рискнувшей повторить смертельную пилотажную фигуру «мертвая петля», которую за день до того (тоже впервые в мире!) сотворил в небе над Киевом авиатор Петр Нестеров на самолете «Ньюпор-4». Этот поступок мгновенно сделал Изиду самой известной женщиной Империи (да что там, целого мира!). Киевское общество воздухоплавания немедленно присудило ей и Нестерову золотые медали. О героической даме писали все газеты, и здесь, и за рубежом. Посмотреть на небесные пике поэтессы приезжали со всех концов света. И блистательная слава Изиды-авиатора затмила даже сладкую славу Изиды-стихоплетки.

Саня прилип к окну, глядя, как, с восхитительно небрежной легкостью орудуя одною рукою, Изида крутанула руль и припарковала диковинные аэросани у подъезда. Облаченная в черную «чертову кожу» блондинка спрыгнула на мостовую, сняла большие очки... Саня и сам мечтал стать авиатором, летчиком! В своих мечтах он видел себя в кожаной куртке, черном кожаном шлеме и огромных очках, сидящим – а лучше летящим! – в аэроплане. Не далее чем месяц назад он

прогулял занятия в гимназии (за что был жестоко наказан), чтоб посмотреть, как Изида поднимется в небо.

– Вот ведьма чертова, – сказал господин в золотом пенсне, оказавшийся рядом с Саней. – Вы только помыслите, – обратился он к кому-то, – ведь ни один мужчина в мире еще не насмелился повторить три смертельных трюка Изиды.

А Саня подумал: «Я повторю! Когда я вырасту, я повторю непременно...»

Но тут случилось нечто, из-за чего все небесные трюки, аэропланы и сама авиаторша вынеслись из Саниных мыслей со скоростью света.

Вслед за героической стихоплеткой к дому № 13 подъехала личность ничуть не менее необыкновенная, легендарная, но главное, занимающая в мыслях тринадцатилетнего гимназиста место совершенно особенное (от этих мыслей Саня нередко покрывался багровой краской и испытывал чуть ниже живота чувство одновременно непонятно-приятное и неприятно-постыдное).

Из комфортабельного дорогого бельгийского автомобиля «Минерва» вышла сама Екатерина Михайловна Дображанская! Первая на Киеве красавица, сладостная греза и неосуществимая мечта гимназистов, приказчиков, поэтов, актеров, художников, студентов и офицеров, почтенных отцов семейств, чиновников от 7 до 1 классов, иначе говоря, всех-всех-всех представителей мужского пола и даже, как говаривали на Киеве многие, самого генерал-губернатора.

Все в этой женщине будило и будоражило воображение. И ее редкостная, изумительнейшая красота, совершенство которой, перебарывая скрежет зубовой, признавали и самые черные недоброжелатели г-жи Дображанской. И то, что проживала она в наидиковиннейшем в Киеве доме, прозванном «Домом с Химерами». И то, что, как принцесса в заколдованном замке, она жила там одна (хотя, несомненно, могла бы составить самую блестящую партию). И ее известное всем благочестие (каждый месяц Дображанская навещала один из женских монастырей и щедро одаривала принявшую ее обитель). И то, что, помимо романтического звания прекрасной загадки, Катерина Михайловна носила прозаический, но ничуть не менее интригующий титул самой богатой женщины Империи (владелицы заводов и доходных домов, магазинов и иллюзионов, городских железных дорог, сибирских рудников, золотых и серебряных приисков). Но прежде всего, ее несовместимая с вызывающей – вызывающей головокружение! – красотой не покоренная никем неприступность.

Одноклассник Сани, второгодник Карлютов, рассказывал, что слышал от отца о том, как один офицер заключил пари с одним князем: кто первый завоюет сердце Катерины Михайловны. Оба они слыли бывальыми донжуанами, но ни один не смог не то что завоевать, но и подойти к красавице Кате ближе, чем на десять шагов!

Князь рассказывал в клубе (Карлютов слышал, как папенька потчует друзей этой историей за коньяком с сигарой),

на благотворительном балу, где была и она, он предпринял попытку подойти к ней. Как вдруг, точно почуяв его приближение, Катерина Михайловна повернула голову и смерила его таким взглядом, что у князя разом онемели руки и ноги. Стоит он, как истукан, и с места сдвинуться не может. Танцы начинаются, а он все стоит в центре залы, шага сделать не в силах. «Точно умерло во мне все, – говорит. – Ведьма она, не иначе... Черт с ней. Черт с этим пари. Но до чего хороша! Вблизи еще лучше. Шейка, плечи, кожа. А глаза... Вот смотришь на нее и думаешь: ничего мне больше в жизни не надо, только на нее смотреть. Одно слово – ведьма!»

Выпучив глаза, Саня смотрел, как лощеный шофер открыл перед госпожой Дображанской дверцу авто и подал ей руку; качнув пушистым пером бархатной шляпы, красавица снизошла на грешную землю. Желая рассмотреть ее поближе, гимназист стремительно распахнул створки окна, почти выпал наружу. И увидел длинную бровь, черный, огромный, колдовской глаз, лицо, столь совершенно-прекрасное, что на него было больно смотреть.

«Я вас люблю!» – закричало внутри. Внутренности разорвало, глаза наполнились недостойными слезами. Лик Катерины Михайловны Дображанской скрылся под шляпой. Шляпа упорхнула в тринадцатый дом...

Саня как-то странно обмяк, словно все счастье, отмеренное на его жизнь, осталось в прошлом – она унесла его с собой.

«Когда я стану известным авиатором, летчиком, – подумал он, – она полюбит меня. Правда, она тогда будет уже старая. Она и сейчас уже старая – ей, наверное, лет 25. А может, и больше. Но все равно, она самая...»

Но мысль о самости Екатерины Михайловны Сане окончить не удалось.

К воротам дома № 13 подъехал третий экипаж, а в нем еще одна царица. Да не названная, а самая что ни на есть настоящая.

Выйдя из коляски, в тринадцатый дом зашла вдовствующая императрица Мария Федоровна.

«Карлютов не поверит мне. Сколько ни божись, не поверит», – только и подумал Саня.

А начиналась эта история так...

* * *

Утро 3 марта 1917 года началось очень страшно.

Варенька присела и опасливо заглянула в замочную скважину.

Хозяйка просила не беспокоить ее до девяти. И Варенька знала: если уж Катерина Михайловна чего-то просила, нарушать ее приказ все равно, что отказаться от места.

Больше всего на свете горничная боялась свою госпожу. Боялась ее сведенных бровей, ее непонятной красоты. Боя-

лась ее дома... Боялась грузных лягушек, облепивших фасад. Боялась огромного лепного осьминога, извивающегося восемью зелеными щупальцами на потолке вестибюля, и нарисованных на стенах затонувших, покоящихся на морском дне кораблей. Но больше всего боялась парадной лестницы, украшенной гирляндами белых гипсовых – мертвых! – животных. Над окном, вместо штор, висели на нити перевернутые вверх ногами дохлые вороны. У подпирающих перила колонн были жуткие когтистые лапы. А между перилами чуды-юды рыбы открывали усатые рты и сплетались уходящими под потолок чешуйчатými хвостами.

«Господи, только бы Екатерина Михайловна не надумала послать меня как-то ночью наверх к господину Богрову», – молилась Варенька.

Поступив к госпоже Дображанской, первые месяцы девушка почти не спала – все казалось, что по ночам ужасные чудища оживают и вот-вот поскребутся в ее дверь. А сама хозяйка казалась колдуньей, бабой-ягой, обращенной ведьмацкими чарами в невозможную красавицу (кто еще может жить в таком страшном доме?). Но как бы сильно Варенька ни боялась всего этого, намного больше она боялась потерять это место. Платила Екатерина Михайловна и впрямь как царица, платила всего за две вещи: беспрекословное послушание и гробовое молчание.

А молчать о невозможной красавице Кате было, ой, как непросто!

На Банковой, возле Дома с Химерами, ежедневно дежурили влюбленные в хозяйку приставучие личности – гимназисты, студенты и служащие. Стоило Вареньке отправиться в Город, ее осаждали лохматые поэты, напористые офицеры и надутые слуги, многозначительно намекавшие на сиятельный статус своих господ. Приказчики в лавках принимались выспрашивать о ее госпоже: «Где она бывает?», «Куда завтра пойдет?», «Какие цветы обожает?».

Но Варя молчала. Зная, в ее случае молчание – точно золото! Еще год-два, и она скопит себе на приданое, выйдет замуж за Петю, они откроют лавчонку, снимут квартиру аж за десять рублей, и она родит ему восьмерых детей. Ради этого стоит закрыть рот на замок и отказывать всем, невзирая на статус.

А молчать Варе было о чем...

Девица вздохнула.

Союзница скважина показала: настроение у Екатерины Михайловны нонче умиротворенно-мурчащее и даже ленивое – такое случалось с хозяйкой нечасто. Облаченная в нежный уютный капот, попивая утренний кофе, хозяйка с удовольствием просматривала деловые бумаги.

Но об этом молчок!

Нельзя говорить, что госпожа занимается делами сама. Нельзя говорить, что каким-то непонятным чутьем она точно угадывает, во что именно нужно вкладывать деньги. Пусть люди думают, что все огромное состояние Катерины

Михайловны состряпал ее ловкий управляющий – Дмитрий Григорьевич. В интимном кругу – милый друг Митя.

Но боже упаси, обмолвиться об этом кому-то!

Никто, кроме Вари, не знал, что у слывшей неприступной хозяйки есть тайный полюбовник-еврей, квартирующий в ее собственном доме на третьем этаже, и хозяйка любит его до самозабвения. Никто, кроме Вари, не знал, что слышшая богомольной хозяйка никогда – никогда! – не молится (и все же зачем-то постоянно ездит по монастырям и церквям). Никто, кроме Вари, не знал, что на груди у хозяйки висит не крест, а цепь в виде змеи, кусающей свой собственный хвост. И хозяйка не снимает эту цепь никогда!

Но только сегодня Варя узнала нечто, о чем не подозревала даже она.

Горничная осторожно постучала.

– Да!

Варенька перешагнула порог. Ее руки нервно оправили кружевной фартук, щеки горели, как перед свиданием, а глаза были такими восторженно-круглыми, точно она только что влюбилась, причем безумно.

– Екатерина Михайловна, к вам... Изида Киевская! – выговорила она, и стоило ей добрести до знаменитой на всю державу фамилии – ее голос стал шепелявым, а глаза округлились от невозможного восторга, как два шара на рождественской елке. – Они говорят, что вы с ними давние друзья и что это вопрос жизни и смерти. Я говорила им, что вы до

девяти никого... Но они сказали, что это вопрос вашей с ними жизни и смерти. Вот я и насмелилась.

– Даша? С чего б это вдруг? – буркнула Екатерина Михайловна непонятное о какой-то Даше.

– Изида Киевская. Известная поэтесса! – осмелилась объяснить Варя.

Она натужилась, желая добавить, что минуту тому Изида не вошла – ворвалась в их дом в своих знаменитых ярко-красных шальварах и сбитой набок маленькой шляпке, из-под которой выглядывал небрежно собранный пучок белых волос. К груди поэтесса прижимала газету, а во всем ее облике чудилось нечто надрывно-взъерошенное.

Но тут у Вареньки подкосились колени: Катерина Михайловна смерила ее темным взглядом.

– Умоляю, не прогоняйте меня! – испугалась девица. – Но это же сами... Изида Киевская! Иначе я б никогда... Они меня оттолкнули и сами вбежали.

– Ясно. Пусть ждет в моем кабинете. Еще раз нарушишь приказ – можешь искать другое место. Ты меня знаешь, – сказала хозяйка голосом, не предвещавшим ни одной новой поблажки. – Знай, Варя, я прощаю тебя лишь оттого, что слишком хорошо знаю Изиду. Остановить ее ты б все равно не смогла. А остановила б, она бы, пожалуй, влезла в окно...

«Изида в окно? К госпоже?!»

Катерина Михайловна задумчиво посмотрела в зеркало и машинально провела пуховкой по носу, заполняя паузу, в те-

чение которой успела подумать, что с незваною гостьей они не виделись очень давно – с момента исчезновения Маши. А Маша исчезла бесследно. И быть может, этот приход означает, что Даше Чуб удалось узнать что-то об их исчезнувшей Третьей.

И больше всего на свете (даже больше, чем выйти замуж за Петю!) Вареньке желалось узнать, о чем думает сейчас госпожа.

«Я слишком хорошо знаю Изиду...»

Хозяйка знает ИЗИДУ!

«А в зале с рогами такая пыль. Ужас просто», – нашла выход она.

* * *

Прилежавший к обширному кабинету «рогатый» зал украшали гипсовые рога лосей и оленей – его Варенька боялась меньше всего. Такие же, только не лепные, а настоящие, рога висели и у ее прежних господ.

Интенсивно орудуя петушиной метелочкой, девушка поспешно приблизилась к захлопнувшейся за хозяйкой двери.

«Если Катерина Михайловна узнает, что я подслушивала, я навеки останусь в девках», – зазудел здравый смысл. Но отогнать ее от такой притягательной замочной скважины он не смог.

Варенька любила Петю. Но Изидка Киевская...

Изиду она ОБОЖАЛА! Ее стихи, переписанные от руки, проживали под Вариной подушкой в специальной тетрадке. Ее приятельница, горничная Дмитрия Григорьевича Анюта Синичкина (водить дружбу с кем-то еще Варе, давшей обет молчания, было весьма затруднительно), позволила ей списать их из голубенькой книжки. И читая ночами томные строчки...

*Не любишь, не хочешь смотреть?
О, как ты красив, проклятый!
И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой...*

Варя испытывала странное, непонятное томление. И в мыслях возникал уже не Петя, а Николай, красавец-студент, сын ее прежних хозяев. И мечты были другими, не о лавчонке и детях. Изиды словно зазывала ее в иной мир – безбрежный, шепчущий, сладко-любовный. И Варенька вдруг начала мечтать о том, чтобы стать такой, как она: о страстных романах, эффектных туалетах и фото в газетах.

Изида была чем-то большим, чем женщиной. Единственной в Империи женщиной, которой позволялось совершенно все (все то, что ни Варенька, ни даже ее госпожа никогда, ни за что бы себе не позволили!). Все, что было запрещено всем-всем-всем девицам и дамам, Изиде разрешалось. На все ее выходки общество смотрело сквозь пальцы...

Изида была Героиней! Богиней! Она была совсем не та-

кой, как Катерина Михайловна, чей мир строился на суровом молчании, тайнах, запретах.

Изида могла ВСЕ!

А кроме того, в воздухе так яростно пахло тайной, что ее запах пробивался сквозь закрытую дверь кабинета.

«Изида с хозяйкой... знают друг друга... Давно... вопрос жизни и смерти!»

Варя бездумно присосалась к скважине.

Первая поэтесса Империи стояла у окна. Ее спина была неприятно напряжена.

– Рада вас видеть. С чем пожаловали? – начала Екатерина Михайловна. Но остановилась, оправилась: – То есть привет. Чего пришла? – Госпожа говорила с Богиней, как с какой-то прислугой!

Изида обернулась.

– Ты уже читала это?! – в руке у нее была та самая газета. – Ты видела?!

– Что? – Екатерина Михайловна недовольно подошла к госте, приняла листки из ее рук.

Газета была сегодняшней (это Варя успела заметить еще в вестибюле), но уже измятой, точно кто-то злобно сжал ее в ком и отшвырнул в угол.

– Новый воздушный рекорд Изиды Киевской! Поэтесса осуществила над Киевом четвертый смертельный трюк, – прочла Дображанская гремевшее на первой полосе сообщение. – Ты похвастать ко мне что ли пришла?

– Не то! Не то смотришь! – вскрикнула гостья. – Я купила с утра, чтобы про себя почитать, а тут... Вот! – Изида перевернула страницу. – Высочайший Манифест Царя Николая II об отречении от престола, – задыхаясь, сказала она, будто хозяйка не умела читать. – Временное правительство!

– Временное правительство, – повторила Катерина Михайловна. – Помилуй, это еще ничего не значит...

– Катя! – взвизгнула гостья. – Я, конечно, не сильно помню историю. Зато хорошо помню стихи: «Кто здесь временный, слазь, кончилось ваше время!». У меня мать маяковка... была. Я с детства знаю: сначала «временное», потом – революция!

«Политика», – поскуцнела Варенька. Петя тоже любил поговорить о политике и революции, а она, в свою очередь, очень не любила, когда жених заводил подобные разговоры: в них она ничегошеньки не понимала.

– Но ведь мы же... – сказала госпожа Дображанская.

– Да! – подтвердила поэтесса. – А если нет? Ведь мы спасли Столыпина, а он взял да умер. Вдруг что-то не так? Что-то где-то не срослось... Что мы тогда будем делать? Помнишь, что Маша говорила? Киев горел десять дней! Людей расстреливали прямо на улицах только за то, что у них интеллигентское пенсне на носу. Нам конец! Тебе и мне...

– Изволь не паниковать. Сделай милость. Уверяю, быть расстрелянной за излишне интеллигентный вид тебе точно не грозит.

Варенька обиженно скривилась. Загадочный ларчик открывался слишком уж просто – ясно, что связывало хозяйку и Богиню Изиду. Обе они участвовали когда-то давно в каком-то политическом заговоре. Но информация эта была опасной. Политика – вещь неясной. А политическая непонятность – понятной, а значит, неинтересной. И Варя уже поднялась на одно колено, как вдруг, точно желая ее остановить, поэтесса сравняла политическую плоскость с любовной:

– Окстись, дура! То, что ты спишь с нашим Митей, больше не гарантирует нам отмену октябрьской революции.

«С Митей? С Дмитрием Григорьевичем? Он – не просто управляющий. Он... Вот отчего раскрасавица Катя привечает какого-то жида».

– А мы с тобой хоть и будем жить вечно, убить нас – не фиг делать! – закричала Изида.

«Жить вечно?» – Варенька положила руку на грудь и задышала часто-часто.

– Нас невозможно убить. На нас цепь-змея, – быстро сказала хозяйка. – Перестань пургу гнать.

«Невозможно убить.

Цепь-змея?

Колдовской талисман!!!

...пургу? Какую пургу? Весна на дворе».

Варенька знала, как знала и вся Россия, что речь Изиды весьма своеобразна. Горничная Аня рассказывала, что

долгие годы поэтесса жила где-то в Японии или в Америке. И среди просвещенных барышень считалось особенным шиком щеголять словцами Изиды. Та же Аня Синичкина любила вставлять их к месту и не к месту, и Варя только восторженно моргала глазами, слыша от своей образованной подруги: «О'кей, если ты изволишь проявить прогрессивные взгляды и признать, что роман господина Арцыбашева супер-пупер, и во-о-о-о охренеть, я буду землетрясно тебе признательна».

Но Варенька никогда не слыхала, чтоб нечто подобное исторгала ее госпожа:

– Дарья, прекращай истерить! Ты как была тинейджеркой-переростком, так на том и завязла!

«Выходит, хозяйка тоже жила в Японии?»

«Выходит, настоящее имя Изиды – Дарья?»

Во всяком случае, гостя на него откликнулась:

– Нет, Катя, ты, по-моему, не въехала...

– Нет, это у тебя крыша съехала! – гаркнула госпожа Дображанская. – Замолчи, и немедленно!

– Я не буду молчать! – закричала Дарья-Изида пуще прежнего. – Мы с тобой не из этого времени. И я не хочу умирать в этом времени! Я из XXI века! Я не обязана умирать здесь из-за их революции. Мы остались тут жить, потому что Маша сказала: мы все исправили, и теперь революции точно не будет.

«Не из этого времени... Что ж это значит?»

Но упомянутый XXI век был чересчур далеко, чтобы вызвать у Вареньки какие-то ассоциации. Да и не до ассоциаций ей было. Приблизившись к самой прославленной и героической женщине Империи, хозяйка отвесила той бесславную и умопомрачительную затрещину.

Голова Изида дернулась. Она икнула и всхлипнула:

– Если бы с нами была Маша...

– Если все так, как ты говоришь, Маша нам тоже не поможет, – ответила Катерина Михайловна.

«Да кто ж такая эта Маша? Все время ее вспоминают...»

Ответ Варенька получила немедля. Да такой ответ, что лучше б его и не знать.

– Нет! Маша всегда была самой сильной из нас. Самой сильной ведьмой. Самой знающей. Мы с тобой сами не знаем ничего! – завопила Изида.

«Ведьмой... из нас!»

Десятки подозрений, расцарапывающих Варину душу, – изумительная красота ее госпожи, ее диковинный дом, и жабы на стенах, и змея на груди, огромное богатство и некрещеный любовник – сложились в одно слово.

Варя ошалело поглядела в окно «рогатого» зала – окно залепила пурга, белоснежная, злая.

«Боже, она – ведьма! Колдунья. Она гонит пургу. Она может превратить меня в жабу. И Изида... тоже ведьма. Она же летает!»

Но и это было еще не все, словно бы кто-то свыше возна-

мерился довести бедную Варю до полного обморока.

– Кое-что я все-таки знаю, – сказала хозяйка. – Например, то, что ты орешь на весь дом, в то время как моя горничная подслушивает у двери.

Варенька отпрянула и упала на зад. Узорный паркет фабрики «Тайкург» больно ударил ей спину, голова закружилась, приданое в мгновение ока стало недостижимой мечтой, равно как и свадьба, квартира за десять рублей, восьмеро детей...

Дверь распахнулась.

Варенька зажмурилась, уразумев вдруг самое-самое страшное. Каменные жабы на стенах – никто иные, как прежние слуги хозяйки, обращенные ведьмой в безмолвных тварей!

– Варя, передай шоферу, чтоб отогнал мое авто обратно в гараж. Все дела на сегодня отменяются, – сказала хозяйка. – Мы с Изидой Киевской едем... на пикник. – она усмехнулась.

А затем девушка почувствовала, как ледяные подушечки пальцев коснулись ее лба, и услышала непререкаемый голос своей госпожи:

– Забудь. Все забудь.

* * *

– ... если она ничего и не вспомнит, какая разница, что я кричала?! – Изидка выкрутила руль.

Ее круглощеким лицом по-прежнему безраздельно владел

темный страх. И без того круглые глаза были распахнуты, как две плоски. Зрачки расширены и черны. И увидев ее в своем кабинете, в первую секунду Катерина брезгливо подумала, что в своей богемной среде поэтесса могла стать морфинисткой и прийти к ней сейчас просить денег.

Эх, лучше бы она пришла просить денег!

– Если ты будешь орать на весь Киев о том, кто мы такие, нам никакого ведьмовства не хватит. – Катя поплотнее укуталась в шубу и одернула непроглядно-густую вуаль (она не желала привлекать внимание к их тандему). – Нельзя побыстрее?

– Все не можешь привыкнуть, что машины тут медленно ездят? – примирительно перевела поэтесса разговор в иную, нейтральную, сферу.

Авто с двумя самыми прославленными дамами Киева потрусило прочь.

Даша-Изида обернулась, чтоб посмотреть на самый колдовской киевский дом, облепленный химерными чудищами: носорогами, русалками, рыбами, жабами. Дом успел облачиться в белый покров: бетонные жабы обзавелись белыми жабо и манишками.

– А знаешь, где я живу? – сочла нужным похвастать она. – В нашей Башне на Ярославовом Валу № 1! – Дашин «Руссо-Балт» бесстрашно слетел с опасно-крутой Лютеранской, столетью тому оканчивавшейся не аркой, а выездом на главную улицу Киева.

– В Башне Киевиц? – дрогнул голос Кати. – В нашей Башне?

– Ага. Только не в нашей квартире. На этаж ниже. Все пытаюсь выяснить, кто на четвертом живет, у подъезда променяжу – без толку.

– Никто там не живет, – отрезала Катя. – Маша говорила: с 1895 по 1941 у Города не было Киевицы. Хранительница бросила Киев. Если бы Киевица защищала свой Город, революция никогда б не коснулась его. Но Киев бездетен.

– А мы? Мы ж Киевицы. И мы здесь, – оспорила Даша-Изида.

– Позволь тебе напомнить: мы – бывшие Киевицы. Мы были Киевицами в нашем времени. А переселившись сюда стали никем.

– Скажешь тоже, никем! – возмутилась поэтесса. Ее машина закончила спуск и, повстречавшись с Крещатиком, остановилась, чтоб пропустить трамвай.

Трамвай, как и все акции городских железных дорог, принадлежал Кате. И кинотеатр «Марго», поместившийся в доме напротив, равно как и все кинотеатры страны, принадлежал Кате. И дом, где сиял огнями «Марго», был Катиным. И доходные дома рядом с ним.

Крещатик был Катиным (за исключением двух-трех государственных зданий).

– Была Киевицей, а стала царицей, – бодро заметила ее собеседница. – Здесь все – твое! Это наш Город. И ты же

ведьмуешь? Вон горничную как оприходовала!

– Это Маша... – неохотно сказала Катя. – Она списала заклятья из книги Киевиц. И записи остались на ее прежней квартире. Вот и все, что осталось от нашей прежней власти. Тише! Молчи, Дарья...

Поэтесса как раз открыла рот, чтоб возразить еще что-то, – и Катя быстро указала ей на регулировщика.

Киев 1917 года не должен был знать, кто они такие.

Но вам, мой читатель, пора принять правду. Прославленная поэтесса Изида Киевская действительно была Дашей по фамилии Чуб и кличке Землепотрясная. И она никогда не писала стихов. И не умела их писать...

Все то величие, которого достигли в начале XX века две некоронованные королевы Киева, объяснялось просто – их истинным местом рождения было начало XXI века. И согласитесь, не так уж трудно разбогатеть, если еще в 1910 ты можешь купить землю, где, как прописано в книгах, в 1915 найдут залежи алмазов и золота. Не так уж трудно стать великой стихоплеткой, если еще в 1911 ты можешь издать книгу стихов, которую должна была издать в 1912 Анна Ахматова. Совсем не трудно... Трудно попасть в нужный год!

Но и это не представляло труда для тех, кто девяносто лет вперед носил венец Киевиц – хранительниц Киева, чья власть над ним не знала временных преград. Для тех, кому позволено было менять историю Вечного Города и для тех, кто, воспользовавшись сим позволением, переселился сюда,

думая, что им удалось отменить кровь революции и их ждут впереди долгие годы золотого века.

Но, похоже, история, которую они изменили, изменила им.

Киев 1917 года не знал, кто они. Но судя по возбуждению, владычествуемому на улицах города, Город знал то, что довелось узнать утром и им, – царь Николай II отрекся от престола. Тротуары Крещатика были исполосованы длинными очередями людей, ожидающими новых газет. Едва ли не у каждого столба собралась толпа митингующих. Какой-то оратор взобрался на скамью. «Начинается новое, совершенно новое время...» – услышала Катя обрывок восторженной речи. Неподалеку ораторствовала стриженная дама в серой блузе: «Мы должны получить право голоса... право участвовать в выборах в Думу», – люто отстаивала она избирательные права для женщин, выпячивая вызывающе некрасивое лицо.

– Даже не понимаю сейчас, как мы могли не заметить, что в стране черт знает что происходит, – вновь заговорила Даша-Изида. – Мы думали, раз твой Митя Богров не убил Столыпина в нашем оперном театре, Столыпин не допустит войну, война не спровоцирует революцию. Но Столыпин умер от инфаркта. И мировая война началась, хотя не должна была начаться. А главное Отрок Михаил еще год назад предсказал: скоро Русь будет залита кровью! А он никогда не ошибается. Почему даже это нас не насторожило?

– Мы слишком верили Маше, – кисло сказала Катя. – А она говорила, что формула Бога беспроигрышна. Достаточно изменить один факт, и ты изменишь весь мир.

Катерина опасливо изучала толпу. То тут, то там мелькали серые шинели военных. То там, то тут виднелись белые платки сестер милосердия. Город окружила война, и Киев перестал быть Иерусалимом русской земли и стал самым крупным госпитальным центром Империи. В Столице Веры, Городе монастырей и церквей, больниц стало едва ли не больше, чем храмов... 103 лечебных заведения! В сахарной столице Руси, хлебной и щедрой Украине, у дверей продуктовых магазинов теперь ежедневно змеились длинные очереди. Продукты дорожали день ото дня... Но при наличии средств можно было приобрести все, что угодно. И Катя не замечала перемен.

Она привыкла жить, зная: революции не будет. Привыкла не реагировать на заголовки в газетах, демонстрации, теракты – не придавать им значения. И лишь теперь, всматриваясь в лицо своего Города, в глаза которого экс-Киевица не заглядывала долгие годы, за время одной этой недолгой поездки, осознала то, что отказывалась признавать целых шесть лет...

У Даши Чуб были веселейшие причины ворваться к ней утром в истерике!

– Кать, а ты хоть помнишь историю? – заерзала та. – Царь отрекся, а дальше? Ну, между временным и революцией?

– Именно для того, чтоб это узнать, мы и едем на Машину

квартиру, – весомо сказала Катерина Михайловна.

Описав полукруг, «Руссо-Балт» свернул на перпендикулярную Фундуклеевскую.

* * *

– Надо же, все как при ней...

Со странной неуверенностью Даша-Изида Чуб-Киевская сделала три шага по некогда хорошо знакомой, а ныне почти забытой гостиной с ассиметричной мебелью в стиле Модерн. В углу на длинноногих жардиньерках стояли две давно умершие пальмы. Бóльшую часть пространства занимали книги.

Маша не могла жить без книг. Но книги могли жить без нее. И жили здесь все долгие шесть лет.

– Ты здесь даже пыль вытираешь? – поразилась лже-Изида и лжепоэтесса. – Вот уж не думала, что ты до сих пор платишь за ее квартиру. Зачем? Она сто лет, как пропала.

– А где еще, позволь спросить, – недовольно отозвалась Катерина Михайловна, – я могла поместить все эти издания? – Дображанская взяла первый подвернувшийся под руку том «Ленин и его семья». – То, что меня все горничные да лакеи ведьмой считают, еще полбеды. Но кабы я держала в доме такое, меня б сочли революционеркой, которая хранит нелегальную литературу.

Да, тот поразительный факт, что Дображанская сохранила Машину квартиру и годами исправно вносила за нее плату, объяснялся, как и все ее поступки, прежде всего прямолинейной выгодой. Держать дома проживавшие здесь книги и

вещи образца ХХI века и впрямь было небезопасно. А книги эти представляли немалую ценность и не раз сослужили Катерине Михайловне добрую службу. Катя частенько навещала сюда, чтобы порыться в энциклопедиях, справочниках, прояснить тот или иной исторический казус и решить вопрос о том или ином новом капиталовложении. И нередко засиживалась тут допоздна, штудировав рекомендованные ей некогда Машей книги Анисимова и Рыбакова.

Да и повод для посещения квартиры на Фундуклеевской был идеальным, безоговорочно принимаемым всеми и окружавшим Катину черноволосую голову ореолом святости. Собственными руками поддерживать порядок в доме беззаветно любимой, без вести пропавшей сестры Машеточки, пусть и двоюродной, но ведь единственной ее родственницы, в надежде, что когда-нибудь та вернется туда.

И хотя никакой кровной родственницей запропавшая Маша Катерине Михайловне не была, то было лишь наполовину враньем...

Добравшись до письменного стола у окна, Даша взяла в руки истрепанную пачку листов.

– «Покровский женский монастырь» – вычеркнуто. «Флоровский женский монастырь» – вычеркнуто... Их тут пять сотен, – заглянула лжепоэтесса в конец. – Подожди, подожди, – изумленно распахнула Изида глаза. – Вот откуда этот бредовый слух, будто ты, как сказанная, по монастырям шарисься. Ты что же, до сих пор Машку надеешься найти?

– Я не надеюсь. Я найду ее, – Катины глаза потемнели.

И Даша внезапно осознала: Катя никогда (ни на час, ни на миг) не переставала надеяться на Машино возвращение, потому и хотела, чтобы у той был свой дом, который беглянка может открыть своим собственным ключом. Но Катерина Дображанская была не из тех, кто ограничивается пустыми надеждами!

– Разве вы так сильно дружили? – спросила Чуб, застыдившись. Она почти не вспоминала Машу, ее образ растаял, слился с темнотой прошлого. Даша была из тех, кто живет настоящим. И только сегодняшний день вынудил ее выудить из памяти имя, непоминаемое долгие годы.

– Скорее, вы с ней дружили. Мы не так близко сошлись, – сухо сказала Катерина Михайловна.

– Мы дружили несколько месяцев. А прошло много лет, – Даша оправдывалась и знала это. – О'кей. Здесь хоть можно говорить нормально? – с вызовом спросила она. – Я вообще-то хотела предложить тебе заняться поиском Маши. Но именно этим, выходит, ты и занималась... Выходит, все еще хуже. Нас только двое. Вернуться назад, в наше время, мы не можем. А даже если б могли, насколько я помню, там нас убьют еще раньше, чем здесь. Что же нам делать?!

– Что ты заладила: что делать, что делать? – озлилась Катерина. – Пойми наконец, если Машина формула Бога была пустышкой, мы уже ничего не можем поделаться! Мы теперь такие же люди, как все.

– Нет, это ты заладила! – взъерепенилась лжепоэтесса. – В каком месте мы как все? – обиделась уличеную в нормальности она. – Я – знаменитость. Ты – миллионщица. Говорят, тебе принадлежит половина Империи. А во-вторых, мы не как все уже потому, что, в отличие от всех, знаем, что будет. – Даша Чуб взмахнула рукой, призывая в свидетели сотни книг по истории разных времен. – Сейчас только март. До Великой Октябрьской почти восемь месяцев.

– Положим. И что из того? – бесстрастно спросила Катерина Михайловна.

– Два варианта, – вдруг совсем без паники, четко и жестко сказала Чуб. – Можно по-быстрому эмигрировать за границу. Сейчас, пока мы еще в шоколаде. Переведешь туда свои деньги. А я... Мне хуже. – Даша безнадежно обвела глазами Машины книги. – Можно было б заделаться там каким-нибудь Набоковым. Но где взять его романы на английском? А сама я их не переведу... Может, Буниным? А что, неплохо! Получу Нобелевскую премию!

– Можешь остаться здесь и заделаться Маяковским – по-этом революции, – саркастично срезала Катя.

– Тоже выход, – легко согласилась лже-поэтесса. – У меня ж мать маяковка... была. Всю жизнь творчество Влад Владовича изучала. А я все переживала, что в серебряном веке Маяковский не канает. Я ведь столько стихов его на память знаю! Учить не надо. А если серьезно, – посуровела Чуб, – есть второй вариант. Попытаться что-то изменить. Мы

же тут так хорошо жили. Нам здесь было так классно!

Катерина решительно провела рукой по корешкам в книжном шкафу и выдернула нужный – покрытую густым пухом пыли «Историю революции». За шесть лет Катя ни разу не открывала эту книгу: революция представлялась давно закрытым вопросом.

– Не стой над душой, – отмахнулась она.

Даша пристроилась именно там, нетерпеливо заглядывая через плечо. Дображанская торопливо просматривала хронологический ряд ближайших событий.

– Нет, – сказала она. – Мы тут ничего не изменим. Нужно смириться. Я – эмигрантка, ты – Маяковский. С того мига, как Николай отрекся от престола, обратного пути больше нет. Временное правительство уже объявило о рождении новой свободной России. Скоро киевская Центральная Рада призовет народ к новой вольной жизни во имя матери Украины. И это только начало... Если страна осталась без царя, она не принадлежит никому. Теперь ее может взять кто угодно!

Они услышали, как открылась входная дверь.

Обе вздрогнули. У обеих страх сразу сменился надеждой. Шаги были легкими – женскими.

– Кто там? – крикнула Даша первой.

– Маша? Это ты, Маша?! – позвала Катерина.

– Если страну может взять кто угодно, то почему бы не мы? – донеслось из коридора.

В дверном проеме стояла тонкая фигурка, затянутая в пуританское платье гимназистки. В руках у нее был ранец. Она молча пододвинула себе стул. Села, вытащила из кармана фартука пачку сигарет.

– Здравствуйте, – выговорила она.

– Ты... Ты пожелала нам здоровья? – неуверенно сказала Чуб.

– Я пришла, чтобы помочь, – сказала их враг № 1.

Глава вторая, в которой мы узнаем дату смерти

Именно так все когда-то и началось...

Представьте себе, что вы человек, обычный человек, живете в своем XXI веке, идете к ворожке, ведь к ним ходили и буду т ходить во все времена. И вот вы приходите к ней и неожиданно получаете силу – огромную, почти ворованную, ибо вы не знаете ни что с нею делать, ни как управлять. Вы ж просто человек. Но полученный дар меняет вашу жизнь. А затем разрушает вашу жизнь – человеческую... И не зная, что делать с сим даром, вы предпочитаете сбежать. В Прошлое, где можно по-прежнему быть простым человеком и где человек, знающий будущее и пару заклятий, – почти господь бог.

Именно так все когда-то и началось. Шесть лет назад и девяносто лет вперед шестнадцатилетняя ведьма точно так же, без стука, вошла в их Башню на Яр Валу, 1, в их спокойную жизнь и, произнеся вывернутое наизнанку «здравствуйте», обвинила их в краже Огромной Власти.

Только теперь и «здравствуйте», и все остальное было наоборот. И жизнь их была не спокойной, а взорванной крайней неопределенностью. И гостя перевоплотилась из арлекинской брюнетки в ангельскую блондинку.

И объявила она не о войне, а...

о перемирии?

Вряд ли.

– Как ты сюда попала? – вспыхнула Даша Чуб.

– Вы забыли, что эту квартиру, как и саму способность жить в Прошлом, свои знания и власть вы получили от моей матери, Киевицы Кылыны. Вы забыли... – шестнадцатилетняя ведьма сделала тугую паузу, – и о том, что она была... моя мать?

– Ну, попользовались немного ее властью, чего из того? – мигом ощерилась Даша. – Ушли, сидим себе тут, никому не мешаем. Ты что же, шесть лет нас искала, чтобы добить?

– Вас было нетрудно найти.

Гимназистка, не торопясь, закурила, изучая их лица. Дымящаяся сигарета нелепо смотрелась с черным шелковым бантом и нежными золотыми кудряшками на девичьем лбу.

Но та, что сидела пред ними, та, кто считала их убийцами матери, та, кто поклялась их убить – могла убить их сейчас одним движеньем руки.

И Катя когда-то могла. Ее рука вспомнила это, рефлексивно сжавшись в кулак. Однако теперь, в сравнении с их гостьей, они:

«...мы обе считай что мертвы».

– Помогите мне, – молвила ведьма, – я не знаю с чего начать. Не знаю, что еще вы успели забыть. Не знаю, что рассказала вам ваша Маша перед тем, как исчезнуть.

– Ничего, – буркнула Чуб.

– В таком случае, – оживилась девчонка, – я начну с начала истории. Но только не вашей, а моей. Не так давно, точнее, очень нескоро, я узнала, что моя мать, Киевица, – самая мудрая, самая сильная, лучшая Киевица со времен Великой Марины... умерла, – на секунду она закусила губу. – Мне сказали, что ее силу забрали вы Трое. Не имея на то никакого права... Затем, воспользовавшись этой силой, вы сбежали сюда и стали здесь теми, кем стали. И заплатили за то свою цену. Вы знаете, что утратили дар. Знаете, что не можете вернуться назад. И не знаете, что делать теперь.

– Мы все это знаем, – оборвала Даша Чуб. – То есть знаем, что не знаем...

– Вы не знаете главного, – сказала девица, – формулу Бога, с помощью которой вы попытались отменить революцию, чтоб жить в Прошлом, не зная беды, я подкинула вашей Маше специально.

– Ты? – ахнула Даша. – Почему именно Маше? Ну да, – эмоционально зашагала лжепоэтесса по комнате, – это ж она уломала нас переехать сюда. Кать, ты помнишь? – воззвала она. – Это ж не мы все придумали! Мы ж с тобой нормальные люди, нам бы и в голову не пришло. Это Маша кайфовала от Прошлого, она ж на историка в институте училась. Это ей, видите ли, хотелось изменить историю к лучшему. Отменить Октябрьскую и спасти пятьдесят миллионов, которые погибли от сталинских репрессий, от голода, войны...

не помню еще от чего. Она нам перечисляла. Ее ж даже не смущало, что, совершив эту Отмену, мы тут зависнем навсегда. И вот мы таки зависли по полной! В Настоящее нам хода нет. А здесь нас расстреляют как контру. И пятьдесят миллионов тоже погибнут... Бог мой, – возвела Изида ладонь к потолку, – вот отчего она смылась. Ей было стыдно сказать нам правду. Она все поняла. Она поняла во что нас втянула. В провальную аферу!

– Маша знала все это? – нахмурилась Катя.

– Не знала. Но позже она поняла... Почти все. – Голос девчонки казался непропорционально взрослым и пафосным, не гармонирующим с юным гимназическим обликом. – Она поняла, почему я объявила вам войну, обещала сжить вас со свету и доказала, что могу это сделать. Чтоб в XXI веке вас ничего не держало! Я хотела, чтобы вы убежали сюда, и максимально облегчила вам выбор. Я старалась.

– Понятно, – произнесла Дображанская.

– Да, все вроде очень понятно, – сказала шестнадцатилетняя ведьма. – Отменив революцию, вы перечеркнете историю. А заодно перечеркнете и свою дату рождения. Одни люди не погибнут, иные – никогда не родятся. В частности, вы... Вы можете жить здесь, но в XXI веке вас нет. А главное – никогда не было. А значит, у меня нет и не было соперниц. Киевицей буду я, дочь моей матери.

– Так ты теперь там Киевица? – расстроилась Даша.

– Так думала Маша, – гимназистка стряхнула пепел прямо

на пол. – Но есть вещи, которые она так и не сумела понять. Первую вы уже знаете. Все, что вы тут натворили не способно отменить революцию. Да, моя мама знала формулу Бога и просчитала Отмену. Но тетрадь, которую я вам подкинула, была лишь одним из ее черновиков. Их у матери было десятки.

– Стало быть, революция будет? – расставила Катя точки над «i».

– Будет.

Катерина Михайловна надменно сложила руки на груди:

– И ты соблаговолила прийти, чтобы сказать нам об этом? Что посредством липовой формулы нас заманили сюда, где нас можно убить без труда? Ведь мы больше не Киевицы. Мы немощны. Ловко, надо признать. – Катино изумительно красивое лицо стало похоже на отрешенную маску. Катерина умела проигрывать с честью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.